

Михаил Маклаков

William Wheeler. Environment and Post-Soviet Transformation in Kazakhstan's Aral Sea Region: Sea Changes. London: UCL Press, 2021. 286 pp. ISBN 9781800080331.

*Михаил Маклаков, Школа исследований окружающей среды и общества (Антропошкола), Тюменский государственный университет, Россия.
maklakovm-99@yandex.ru.*

Советский Союз совершил экоцид над собственной природой, и примером этого служит исчезновение Аральского моря. Таков был вывод авторов одного из первых исследований по истории окружающей среды СССР в книге американских авторов Мюррея Фешбаха и Альфреда Френдли (Feshbach and Friendly 1992). Приводя в пример технологическую модернизацию природы, авторы настаивали на понятии «экоцид» применительно к советскому опыту природопользования, в итоге укоренив его в историографии. Экоцид – объяснительная модель отношений между человеком и природой, в которой первый совершает «геноцид» над «экологией».

Осушение Аральского моря наряду с Чернобыльской катастрофой традиционно входит в список «экологических грехов» СССР в качестве иллюстрации расточительного отношения властей к природе. Проводимая всесоюзными промышленными ведомствами политика модернизации на территории Средней Азии, в частности в Узбекской и Казахской ССР, привела к преобладанию хлопковой промышленности. Активное выращивание хлопка требовало интенсивной ирригации, в результате чего вода из рек Амударья и Сырдарья, берущих начало в горах Тянь-Шаня, вместо моря по каналам и трубам была пущена на хлопковые поля советской Азии (Feshbach and Friendly 1992; Peterson 2016).

Детальным изучением социальной стороны обмеления Аральского моря занялся Уильям Уилер, британский социальный антрополог и специалист по истории природы Казахстана. Опираясь на архивные материалы алматинских фондов и собственные полевые материалы, полученные в ходе серии глубинных интервью, Уилер рассматривает историю Арала через историю рыбной промышленности и оставляет в стороне историю ирригации. Автор обращается к опыту жизни рыбаков из города Аральска и поселков Боген, Карашалан и Каратырен, а также других жителей этого региона. Приехав в Аральск в 2012 году, Уилер находит «вместо отдельного критического события, которое затмило местные представления, . . . множество смыслов, приписываемых регрессии и частичному восстановлению Арала» (с. 7).

Его книга вносит весомый вклад в дискуссию о советском природопользовании. Если в более ранних работах, описывавших модернизацию Средней Азии, упор делался на исследование экономических и политических последствий ирригационной политики (Obertreis 2017; Cameron 2020), то Уилер, напротив, ставит во главу угла социальные последствия изменения уровня Аральского моря, исследуя,

как экологическая катастрофа сказалась на локальных практиках и адаптивности местных жителей к новым условиям. Новизна его исследования заключается в оценке последствий советской модернизации через призму рентабельности добывающей промышленности, анализ экологической адаптации и использование расширенной источниковой базы.

Автор предлагает две интерпретативные модели для анализа Аральской катастрофы: во-первых, анализ регрессии моря как процесса, связанного с экономическими, бюрократическими и культурными проблемами; во-вторых, в более широком контексте его занимают вопросы «преемственности и разрывов советского социализма и постсоциализма» (с. 9). С целью погружения в экономические, социальные и политические процессы, происходящие с Аральским морем, автор предлагает использовать методы экологической антропологии (*environmental anthropology*), пригодные для анализа многофакторного опыта взаимодействия политических структур, экономических формаций и природных объектов (с. 10).

Анализ политической экономии природного объекта и рыбного хозяйства позволяет Уилеру рассмотреть, как советское плановое хозяйство и постсоветский рынок «по-разному упорядочивают время и пространство. Рыба воспринимается через ее стоимость и обособляется от среды обитания» (с. 31). Автор опирается на предложенный Михаилом Бахтиным подход к анализу культуры, позволяющий оценивать структурирующие функции времени и пространства в нарративе. В соответствии с данным подходом, Уилер считает, что в «гетерогенной упорядоченности времени и пространства мир предстает как множественный, но не все “версии” равны и не все одинаково истинны» (с. 30). Данная операция в итоге позволяет автору рассматривать историю исчезновения Арала не как трагедию, а как процесс экологической (*environmental*) адаптации.

Монографию можно условно разделить на две части: в первой на протяжении четырех глав рассматривается регрессия Аральского моря, а во второй автор обращается к опыту восстановления водной инфраструктуры силами правительства Республики Казахстан и международных организаций. Такая структура помогает акцентировать внимание не столько на динамике изменений Арала, сколько на социальных последствиях этого. На собственном материале Уилер демонстрирует, что однозначного критерия для определения уровня благополучия местного сообщества, добывающего рыбу, не существует. Может показаться, будто переработка ресурса в СССР принимала форму капиталистического производства, приносящего прибыль и тем самым ведущего к выстраиванию социальной инфраструктуры (домов, школ, больниц). Однако схематично прогресс модернизации в регионе имел иную последовательность: рыба – ресурсы – инфраструктура – социальное благо. Структура книги нарративизирует добычу рыбы, развитие или упадок инфраструктур, реконструируя процесс взаимовлияния экологической адаптации и субъектов власти.

В первой главе автор на основе архивных и вторичных источников выстраивает нарратив о преобразованиях Аральского моря во времена Российской империи и Советского Союза. Во второй главе рассматривается, как на вопросы обмеления моря начали реагировать бюрократические советские структуры. В третьей

главе, опираясь на полевой материал, Уилер анализирует, как современные бюрократические усилия по «спасению» Аральского моря влияют на жизнь местного городского населения. Заключительная глава первой части посвящена рефлексии по поводу исчезновения Аральского моря в прибрежных деревнях – в частности, среди рыбаков, непосредственно занимающихся добычей ресурса сегодня. Автор показывает, что традиционная этика охотников-собирателей в отношении рыбы накладывается на видение ее как обменной ценности, поддерживающей функционирование сообщества.

Таким образом, авторский подход к интерпретации экологической проблемы исчезновения Аральского моря опирается на нарративы современного местного населения. Уилер показывает, что существовавший в СССР общественный договор нивелировал последствия исчезновения моря. Благополучное функционирование социальной инфраструктуры изменяло ценность ресурса: наличие рыбы, пусть и привозимой с океанических районов, означало «нормальное» состояние моря.

Во второй части книги автор демонстрирует процесс восстановления моря. Пятая глава описывает, как Аральская катастрофа стала объектом международного сотрудничества природоохранных фондов, деятельность которых привела к восстановлению Малого Арала с помощью построенной в 2005 году Кокаральской плотины. Опираясь на включенное наблюдение за хозяйственным циклом аральских рыбаков, в шестой главе автор акцентирует внимание на постсоциалистических правах собственности и правилах ведения бизнеса. Наконец, в заключительной главе Уилер исследует маргинальность рыбного промысла для местного городского сообщества.

Резюмируя вторую часть монографии, автор отмечает, что восстановление моря влияет на социальные аспекты жизни в локальных сообществах, а именно: меняет политический ландшафт региона, прибавляя политические очки правительству Казахстана; изменяет структуру рыбацких сообществ, чье положение в структуре капиталистической экономики меняется в зависимости от вылавливаемых видов рыб (камбалу продают местным жителям, а судака отправляют на европейские рынки); акцентирует внимание местных жителей на экологии региона, поскольку хотя действия по «восстановлению» окружающей среды и ведутся, негативные последствия экологических изменений (например, вред здоровью) ощущаются в той же степени, что и до частичного «восстановления» природы. Повысить уровень моря легче, чем вернуть здоровье местных жителей; Уилер характеризует такое положение дел, как «медленное насилие» (с. 235).

В заключении автор рассматривает многогранность экологических изменений. Во-первых, он анализирует «производство» ресурса и его эффект в контексте политической экономии. Уилер утверждает, что «мы можем в той или иной степени предсказать материальные изменения в окружающей среде, но то, во что превратятся экологические изменения, будучи вовлеченными в исторические процессы, не дано заранее» (с. 233). Рассматривая экологическую адаптацию, он предлагает считать, что это – «беспорядочный, никогда не завершающийся процесс “привыкания” к многочисленным изменениям» (с. 235). Финальным аккор-

дом в заключении становится рассуждение о модернизации постсоциалистических обществ в новой капиталистической экономике. Уилер полагает, что «героями антропоцена становятся “совместные выживальщики”, которые зарабатывают на жизнь, вступая в контакт с жизненными мирами “третьей природы” – разрушенными средами, оставленными современностью» (с. 237).

По мнению автора, экологическая катастрофа не оценивалась должным образом местным сообществом потому, что заводы продолжали работать, используя привезенную рыбу. Так, технология стала фактором, нивелирующим природные изменения. Другими словами, не только социальный договор служил замалчиванию проблемы, но и представления самих советских граждан о природе. Люди играют ведущую роль в определении «допустимых» воздействий на природу, сколь бы влиятельными ни были другие факторы ее изменений (Раков и Фокин 2022:112).

Пожалуй, главный тезис обсуждаемой книги сформулирован в рамках экологической антропологии. Уилер демонстрирует, что между уровнем модернизации и экологическими проблемами не существует прямой зависимости. Его подход интересен и тем, что, глядя на осушение и частичное восстановление Аральского моря, он признает разнородность адаптивного опыта у всех участников и свидетелей катастрофы. Автор замечает, что плановый способ ведения советского хозяйства способствовал возникновению экологической катастрофы, но от плана зависела и поддержка социальной инфраструктуры. Рыночные механизмы, в свою очередь, хотя и привели к частичному восстановлению моря, в то же время закрепили экологическую несправедливость.

Работа Уильяма Уилера – это важное высказывание о советской природе. Раскрывая процесс «делания» природы, автор подчеркивает ретроспективные особенности экологических изменений. Обмелело ли Аральское море вследствие ведения советского хозяйства? Скорее да, ведь вода, уходившая на нужды ирригации, не поступала в море. Следует ли нам рассматривать этот процесс как экоцид? Скорее нет, ведь ресурс был направлен на построение коммунизма и модернизацию региона, а не на получение прибыли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Раков, Тимофей и Александр Фокин. 2022. «“Все сегодня о природе думают”: поиски агентности в позднесоветском экологическом плакате». *Уральский исторический вестник* 2:106–114. [http://dx.doi.org/10.30759/1728-9718-2022-2\(75\)-106-114](http://dx.doi.org/10.30759/1728-9718-2022-2(75)-106-114).
- Cameron, Sarah. 2020. *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Feshbach, Murray, and Alfred Friendly Jr. 1992. *Ecocide in the USSR: Health and Nature under Siege*. New York: Basic Books.
- Obertreis, Julia. 2017. *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. Göttingen, Germany: V&R Unipress.
- Peterson, Maya. 2016. “US to USSR: American Experts, Irrigation, and Cotton in Soviet Central Asia, 1929–32.” *Environmental History* 21(3):442–466. <https://doi.org/10.1093/envhis/emw006>.